

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ КУРАШОВ

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0008-3141-7438; curashov.vladimir@gmail.com

«ВЕСТНИК РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА»: РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРУКТУРЫ, ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЭМИГРАЦИИ

А н н о т а ц и я . Впервые систематически анализируются материалы «Вестника Русского национального комитета» (1923–1926), являвшегося органом политической организации, которая претендовала на центристскую позицию среди пореволюционной эмиграции из Советской России. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью принципов центризма, на которых строилась идеология Русского национального комитета. Метод системного анализа применен к содержанию издания для исследования его самопрезентации. Осуществленный анализ публикаций «Вестника» позволил охарактеризовать особенности организационной структуры, идеологических основ и направлений деятельности Комитета. Показано, как «Вестник» отражает централизованную структуру организации с доминирующей ролью руководящих органов в Париже и слабой представленностью периферийных отделов. На основе программных и публицистических статей реконструируется идеологическая платформа, сочетавшая принципы государственного национализма с бескомпромиссным антибольшевизмом, что определяется автором как позиция «непримиримого центра». Публикации «Вестника» позволяют выделить три ключевых направления деятельности: дипломатическая и информационная работа по легитимации Комитета, консолидация эмигрантских организаций, а также социально-гуманитарная поддержка беженцев. Анализ показывает, как издание использовалось для реализации этих задач и формирования образа РНК как национально-государственного центра в эмиграции.

Ключевые слова: «Вестник Русского национального комитета», российская пореволюционная эмиграция, государственный национализм, антибольшевизм, политическая консолидация

Для цитирования: Курашов В. А. «Вестник Русского национального комитета»: реконструкция структуры, идеологии и практик политического объединения эмиграции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 4. С. 52–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1317

ВВЕДЕНИЕ

Октябрьская революция и Гражданская война привели к массовой эмиграции, сформировав уникальный феномен русского зарубежья [5], [6]. Политический спектр эмиграции отличался необычайной пестротой, что В. А. Митрохин охарактеризовал как «поразительную по своей широте и контрастности политическую мозаику»¹. Он сформировался не только за счет представителей дореволюционных партий, но и благодаря возникновению новых пореволюционных идейных течений, которые являлись результатом переосмысления их представителями катастрофических для России событий [7], [10]. В этих условиях особый интерес представляют попытки консолидации разрозненной эмиграции.

Стремление преодолеть идеологические разногласия и создать единый антибольшевистский фронт было одной из политических задач русского зарубежья. Заметной попыткой такого рода стало создание в 1921 году Русского национального комитета (РНК) как надпартийного координационного центра². В монографии О. К. Антропова РНК рассматривается в общем контексте поисков политического объединения и его деятельность характеризуется как неудавшаяся попытка реализации правокадетской идеи создания надпартийного общеэмигрантского антисоветского фронта [2: 238]. З. С. Бочарова в своих исследованиях упоминает деятельность РНК в контексте правовой и социальной помощи беженцам [3], [4]. В. И. Смирнов фокусируется на роли од-

ной личности – В. И. Бурцева в деятельности РНК [12], а А. В. Антощенко характеризует принцип централизма, обосновывавшийся главой комитета А. В. Карташевым [1].

Организационная структура РНК, его идеология и деятельность остаются недостаточно изученными и представляют собой перспективное направление исследований. Одним из важнейших источников для такого исследования является периодическое издание самой организации – «Вестник Русского национального комитета» (1923–1926).

Цель данной статьи – раскрытие на основе системного анализа материалов «Вестника РНК» информационных возможностей данного непериодического издания для реконструкции организационной структуры, идеологических основ и ключевых направлений деятельности Русского национального комитета.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Для изучения организационной структуры «Вестник РНК» является источником ограниченным: он не освещает период создания Комитета и его отделов (1921–1922 годы) и, будучи печатным органом, дает лишь косвенные данные о внутреннем устройстве. Его издание было нерегулярным (всего 11 выпусков), что, по оценкам исследователей, отражало общие организационные и финансовые слабости РНК [2: 227], [12: 78]. Однако тематические блоки позволяют реконструировать его ключевые функции в структуре Комитета.

1. Идеологическая функция. Формулирование программных установок, образа врага (III Интернационал) и идеала «национальной России». В первую очередь она выражена статьями председателя РНК А. В. Карташева³.

2. Легитимирующая функция. Позиционирование РНК как политического центра эмиграции и представителя «подлинной России» на международной арене (меморандумы правительствам, обращения в Лигу Наций, письма главам государств и высокопоставленным чиновникам)⁴.

3. Информационно-аналитическая функция. Освещение деятельности РНК, анализ положения в СССР и политики европейских государств. Главным образом функцию представляют статьи Ю. Ф. Семенова⁵, к которым примыкают единичные статьи других авторов, анонимных корреспондентов⁶.

4. Социально-практическая функция. Публикация материалов о помощи студенчеству и детям (воззвания⁷, доклады⁸, статьи М. М. Федорова⁹ и П. Д. Долгорукова¹⁰), инвалидам¹¹,

о защите прав беженцев¹², что трактовалось как акт государственного служения и сопротивления большевизму.

Анализ «Вестника» показывает крайнюю централизацию РНК. Деятельность концентрировалась вокруг парижского президиума (А. В. Карташев) и секретариата (Ю. Ф. Семенов). Полный состав руководства РНК опубликован в связи с переборами 7 ноября 1924 года:

«Председатель – А. В. Карташев. Товарищи председатели: В. Л. Бурцев, кн. Пав. Д. Долгоруков, М. Л. Киндяков, Е. П. Ковалевский, Б. Н. Неандер, П. Б. Струве, М. М. Фёдоров. Генеральный секретарь – Ю. Ф. Семёнов»¹³.

Упоминания о местных отделах (Лондонский¹⁴, Берлинский¹⁵, Пражский¹⁶) носят эпизодический характер. Наиболее активным на страницах «Вестника» выглядит Белградский отдел РНК¹⁷. Остальные отделы лишь перечислялись в обзоре деятельности РНК Ю. Ф. Семеновым¹⁸. Скучные и нерегулярные сообщения о местных отделах свидетельствуют об их слабой интеграции в текущую работу. Основные функции оказались персонифицированы и сосредоточены в узком кругу лидеров РНК в Париже.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Идеологию РНК, реконструируемую по материалам «Вестника», можно определить как государственный национализм. Высшей ценностью объявлялось восстановление единого национального государства, что обуславливало надпартийный характер Комитета¹⁹. Государство рассматривалось как исторически преемственный организм, а себя РНК видел «мостом» от прошлой России к будущей и платформой для общегосударственной работы. Эта работа, согласно А. В. Карташеву, должна была носить прагматичный характер, консолидируя политически активную часть эмиграции под знаменем освобождения России²⁰.

Конкретным воплощением принципа государственной преемственности являлась Русская армия П. Н. Врангеля, названная А. В. Карташевым прямым наследником русской государственности²¹. Используя религиозно-политическую метафору, председатель РНК сопоставлял борьбу Белых армий с первым членом христианского Символа веры²². Таким образом, военное поражение отеснялось на второй план духовной правотой Белого движения. Русская армия представала как «сосуд русской чести» и воплощение духа нации²³. В данной конструкции она становилась символом живой государственности и главным

аргументом в пользу сохранения преемственности с «подлинной Россией».

Большевизм осуждался в первую очередь за разрушение российской государственности и национальной традиции. Эта позиция была сформулирована предельно жестко. Характерна цитата А. В. Карташева:

«Совдепия – не государство и не Россия, а только страшная карикатура на то и на другое, только чудовищная маска, покрывающая подлинное лицо народа или вернее – могильная плита, додушающая заживо погребенную Россию»²⁴.

Такое понимание порождало политический ригоризм. Провозглашалась позиция непримиримости, полностью исключавшая компромисс с советской властью. Примером служат статьи Ю. Ф. Семенова, в которых создается жесткая бинарная оппозиция: «национальная Россия» против «III Интернационала» как чуждой и враждебной силы, оккупировавшей страну²⁵. Конечной целью коммунистов, по его оценке, являлось создание «не-государства» – подобие концентрационного лагеря²⁶.

Принцип непримиримости, в свою очередь, логически требовал активизма – продолжения борьбы всеми доступными средствами. Активизм, как он представлен в статьях А. В. Карташева, имел несколько взаимосвязанных аспектов. Во-первых, мобилизационный аспект. Целью эмиграции объявлялось не пассивное «беженское житье-бытье», а активное собиранье сил для освобождения России²⁷. Во-вторых, готовность к разнообразным формам борьбы, включая вооруженную, в будущем²⁸. В-третьих, наиболее радикальное проявление, аспект этического оправдания насилия. В статье, посвященной убийству советского дипломата В. В. Воровского, А. В. Карташев дает событию этико-философское обоснование. Большевики представлены как «демонические враги человеческой свободы». Нарушение общепринятых норм в ходе борьбы с ними находит моральное оправдание во имя защиты национальных и общечеловеческих ценностей²⁹. При этом стратегические надежды возлагались на пробуждение народа внутри России. Задачей эмиграции становилось не подменять народ, а воздействовать на него объединяющими лозунгами и, сохранив национально-государственные начала, в нужный момент соединиться с ним³⁰. В данном контексте кардинально переосмысливалась роль Красной армии. Ю. Н. Данилов развивал идею ее постепенной национализации и очищения. По его мнению, красноармейская масса, «плоть от плоти народа», перестает быть «классовой силой» и превращается в «формовоч-

ный материал» будущей национальной армии³¹. Эта мысль находила поддержку у А. В. Карташева, который также допускал, что Красная армия, искупив свой «каинов грех» уничтожением коммунистов, может стать орудием освобождения³².

Важной идеологической особенностью РНК, выявляемой по материалам «Вестника», был его специфический центристский характер. Речь шла о попытке подняться над партийными размежеваниями, предложив новую «сверхпартийную» и государственническую платформу для консолидации³³. Границы этого «центра» определялись через последовательную критику флангов. Слева РНК отвергал социалистов, ставящих классовую идею выше национальной, и республиканцев-демократов (группу П. Н. Милюкова) за абсолютизацию «завоеваний революции»³⁴, что, по мнению А. В. Карташева, вело к принципиальному соглашательству с большевизмом и отказу от активной борьбы³⁵. Действительно, принципиальным положением «новой тактики» П. Н. Милюкова была неприемлемость вооруженной борьбы [9]. Справа критика была двуправленной: против монархистов-реставраторов за непонимание необходимости творческого обновления России и против «пацифистской» части правых (берлинская группа монархистов), испытывавших, по выражению А. В. Карташева, «преклонение перед большевистствующей волей народа» и боявшихся активных действий³⁶. Позитивным программным положением, вытекавшим из этой критики, была идея «синтетической воли народа». А. В. Карташев утверждал, что народ сочетает в себе «обе струи: и национально-консервативную, и революционную», и задача будущей власти – не ввергать его в крайности, а привести к равновесию и новому синтезу³⁷. Таким образом, отвергались как «революционные», так и «реставраторские сказки» в пользу трезвого практического пути³⁸. Этому синтезу соответствовало и переосмысленное понятие «реакции» как объединяющего начала. А. В. Карташев вкладывал в него новое, созидательное содержание. Ее целью являлось восстановление порушенных революцией ценностей в сочетании с новыми задачами государственного строительства, что, по его убеждению, и гарантировало подлинное «завоевание реакции»³⁹. Позицию РНК точнее всего определяет парадоксальный термин «непримиримый центр»: широта в тактике объединения на основе государственнической платформы сочеталась с крайней узостью и ригоризмом в определении главного врага и допустимых методов борьбы.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РНК

Идеологическая платформа реализовывалась в трех взаимосвязанных направлениях.

1. Борьба за международную легитимность.

В нее входило дипломатическое лоббирование⁴⁰, направление меморандумов⁴¹ иностранным правительствам с целью изоляции СССР, противодействия или осуждения его признания, а также утверждения эмиграции как легитимного представителя России. В публикациях «Вестника» утверждалось, что РНК удавалось парализовать некоторые действия советской власти за рубежом (например, в Болгарии) и влиять на решения международных организаций, таких как Лига Наций, по вопросам репатриации⁴².

«Вестник» демонстрирует работу РНК как аналитического центра. Ю. Ф. Семенов, например, детально разбирает расклад сил во французской политике, предсказывая слабость Левого блока⁴³. Особое внимание уделялось советско-германским отношениям, которые трактовались как продолжение Брестского мира: Германия виделась силой, стремящейся к экономической колонизации России через большевиков, которые, в свою очередь, использовали Германию для подрывной работы⁴⁴. А. В. Тыркова, анализируя успехи лейбористов в Великобритании, уже в январе 1924 года предсказала скорое признание СССР⁴⁵.

Логичным дополнением к характеристике внешнеполитической ситуации был анализ внутриполитической жизни СССР, нацеленный на доказательство невозможности эволюции большевизма и его губительности для нации. Например, статья «Возвращение на Родину» анонимного корреспондента РНК представляет собой развернутый аналитический текст, где с помощью статистических данных, свидетельств о терроре и анализа социальной политики доказывалось, что советский режим ведет к физическому уничтожению русского народа⁴⁶. Аналогичная риторика пронизывает и другие материалы «Вестника»: протесты против вывоза хлеба из голодающей России⁴⁷, сообщения о преследованиях церкви⁴⁸, анализ состояния сельского хозяйства и т. д.⁴⁹ Целью таких публикаций было снабдить эмиграцию фактологическими аргументами для сопротивления и разоблачить в глазах общественности III Интернационал как силу, подменяющую собой Россию.

2. Политическая консолидация эмиграции. Ведя борьбу на международной арене, лидеры РНК отчетливо понимали, что ее успех зависит от прочного внутреннего фронта. На

страницах «Вестника» работа по объединению эмиграции реализовывалась через систематическую информационную поддержку и легитимацию тех организаций, чьи цели совпадали с курсом Комитета. Так, РНК публиковал материалы о деятельности Союзов русских инженеров⁵⁰ и Торгово-промышленной конференции⁵¹, подчеркивая их непримиримый антибольшевизм. Профессиональные элиты тем самым встраивались в общий идеологический фронт под лозунгом национальной идеи. Особое внимание уделялось студенческим и молодежным объединениям как кадровому резерву будущей России. К примеру, подробно освещалась работа Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (О.Р.Э.С.О.)⁵², возглавляемого товарищем председателя РНК Б. Н. Неандером.

3. Защита и воспроизводство человеческого капитала. Одной политической мобилизации было недостаточно. Для реализации проекта будущей России требовалось сохранить в физическом и культурном смысле саму нацию в изгнании. Это определяло третье направление деятельности по правовой защите и гуманитарной поддержке русских беженцев.

Объектом критики РНК стал Верховный комиссар Лиги Наций по делам беженцев Ф. Нансен. В материалах «Вестника» он обвинялся в непрофессионализме, непонимании специфики политической эмиграции и просоветских симпатиях⁵³. Его репатриационная политика воспринималась как прямая угроза для эмигрантов-антикоммунистов. Комитет настаивал на жестком разделении: помощь беженцам – обязанность Лиги Наций, а репатриационный вопрос – проблема советской власти⁵⁴. Однако эта критика сопровождалась трезвым прагматизмом. РНК не отвергал деятельность Лиги Наций по защите беженцев. В публикациях высоко оценивались конкретные полезные инициативы, такие как поездка сэра С. Хора в Константинополь или содействие представителей Верховного комиссариата русским беженцам во Франции⁵⁵. Таким образом, работа Верховного комиссариата признавалась полезной, когда она касалась реальных нужд русских беженцев (правовой статус, материальная помощь), но категорически осуждалась, когда пересекалась с политикой компромисса с большевиками.

Гуманитарная деятельность РНК наиболее ярко проявилась в организации помощи русским инвалидам – ветеранам Белого движения. Инициатива, выдвинутая в марте 1923 года Белградским отделом РНК, с самого начала носила явно политический характер. Во-первых, она была

сформулирована как международная проблема, требующая вмешательства иностранных правительств и использования части российского запаса золота, оказавшегося за рубежом⁵⁶. Во-вторых, предлагалось создать специальный «русский инвалидный займ», который, как предполагалось, будет гарантирован и признан будущим законным правительством России⁵⁷. Таким образом, уже в самой постановке вопроса РНК конструировал преемственность: он действовал как институт, берущий на себя функции еще не существующего национального государства, и апеллировал к его будущей ответственности. Практическим шагом стало содействие созданию Комитета помощи русским инвалидам при Российском обществе Красного Креста⁵⁸. Помощь трактовалась как священный национальный долг, как моральное обязательство нации перед «искалеченными героями»⁵⁹. Эта риторика превращала конкретную гуманитарную задачу в инструмент консолидации и мобилизации эмиграции вокруг ценностей жертвенности и верности долгу, что подчеркивалось и в прямом воззвании к читателям «Вестника» с просьбой о пожертвованиях⁶⁰.

Наиболее системным и масштабным направлением социально-гуманитарной работы РНК стала организация помощи русскому студенчеству и детям. Обосновывалась эта работа как прямой ответ на политику «физического и духовного уничтожения русской интеллигенции» в СССР⁶¹. Практическим шагом стало создание в Париже Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, председателем которого стал М. М. Федоров, развернувший весьма большую и продуктивную деятельность⁶². Неофициальным названием организации стало «Федоровский комитет» [8]. Значимо, что в его формировании участвовало большое количество эмигрантских организаций (Русская академическая группа, Финансово-промышленный союз, Земско-городское объединение и др.), что демонстрировало способность РНК консолидировать эмиграцию вокруг конкретных задач⁶³. Для объединения усилий предпринимались координационные поездки (М. М. Федорова в Прагу, Ю. Ф. Семенова в Лондон) с целью наладить связь с местными отделами и академическими союзами⁶⁴. Публиковались обращения, например, в апреле 1923 года, к са-

мой эмиграции с призывом к пожертвованиям на помощь русской молодежи⁶⁵. Финансовая помощь оценивалась М. М. Федоровым как великая заслуга перед Россией, которая «никогда не забудется»⁶⁶, что делало ее частью национального долга.

П. Д. Долгоруков в «Вестнике РНК» поднимал проблему денационализации детей в иностранной среде. Его программа поддержки национального самосознания посредством создания русских учебных курсов включала не только язык, но и культурный код: конструирование воображаемой родины через классическую литературу, изображение пейзажей и памятников, русский быт. Важно, что эта работа мыслилась не как воспитание шовинизма, а как формирование сильного национального чувства, открытого к «общечеловеческим идеалам» и достижениям западной культуры⁶⁷.

Таким образом, «Вестник РНК» демонстрировал, как Комитет стремился к систематической работе в рамках идеологии «непримиримого центра». Все три обозначенных вектора его деятельности были взаимосвязаны и решали общую главную задачу – сохранение и легитимация «Второй России» как политического и национального целого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ «Вестника РНК» позволяет сделать следующие выводы. Организационно Комитет представлял собой централизованную структуру с активным парижским ядром и слабым интегрированием периферийных отделов в общую работу. Его идеологию определял государственный национализм, сочетавшийся с позицией «непримиримого центра». На практике это выражалось в триаде: внешнеполитическая борьба за легитимность, консолидация эмигрантских сил и масштабная гуманитарно-опекунская работа.

Значение РНК заключается не в практических успехах, которые были ограничены нехваткой ресурсов, а в последовательной попытке сформулировать и реализовать проект консолидации эмиграции на позитивной государственно-созидательной платформе. «Вестник РНК» доказал свою ценность как комплексный источник, позволяющий изучать эту попытку в ее ключевых аспектах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Митрохин В. А. Российская эмиграция: общественная мысль и политическая деятельность: 20–30-е годы XX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2009. С. 3.

² Съезд Русского Национального Объединения. 5–12 июня 1921 года. Париж, [б. г.]. С. 26–27.

- ³ Вестник РНК (далее – ВРНК). 1923–1926. № 1–4, 6–11. Статьи: «Наше лицо», «Наша ставка», «Завоевания революции в русской церкви», «Планы объединения», «Национальное объединение», «Тиранобийство», «Непререкаемая ценность», «Реакция», «Новая интервенция», «О беседе Великого Князя», «Идея Русского Национального Союза», «Кризис Белого движения».
- ⁴ Хроника Русского Национального Союза // ВРНК. 1923–1924. № 1. С. 35–39; № 4. С. 61–64; № 6. С. 42–53; № 9. С. 80–82. Хроника // ВРНК. 1923–1924. № 3. С. 28–31; № 10. С. 157–160. Хроника Русского Национального Комитета // ВРНК. 1924. № 8. С. 63–68. Обращения Русского Национального Комитета к правительствам, общественным организациям, а также к политическим и общественным деятелям // ВРНК. 1926. № 11. С. 60–89.
- ⁵ ВРНК. 1923–1926. № 1–2, 4, 6–11. Статьи: «Деятельность Русского Национального Комитета», «Франция, Россия и Советы», «Принцип соглашения», «Московский проспект», «Процесс Конради и Полунина», «От распада к собиранию», «Смерть Ленина», «Выборы во Франции», «Обзор деятельности Р. Н. Союза (Июнь 1921 – Сентябрь 1924 г.)», «Зарубежный съезд».
- ⁶ Возвращение на родину // ВРНК. 1923. № 1. С. 19–33; Положение России к середине августа 1923 г. // ВРНК. 1923. № 7. С. 13–30. Письма из России // ВРНК. 1924. № 8. С. 34–55.
- ⁷ Воззвание Русского Национального Студенческого Объединения к русскому студенчеству // ВРНК. 1923. № 2. С. 30–31.
- ⁸ К русской молодежи. Доклад М. М. Федорова // ВРНК. 1924. № 10. С. 85–100; Доклады представителей студенческих организаций // ВРНК. 1924. № 10. С. 101–104.
- ⁹ Федоров М. М. Подготовка русской молодежи к предстоящей ей ответственной задаче // ВРНК. 1923. № 1. С. 12–18; Положение русского студенчества за границей // ВРНК. 1923. № 6. С. 36–41.
- ¹⁰ Долгоруков П. Д. Дополнительные русские национальные учебные курсы // ВРНК. 1923. № 3. С. 14–20.
- ¹¹ Русский Национальный Комитет в Югославии // ВРНК. 1923. № 1. С. 42–43.
- ¹² Обращение к Лиге Наций по поводу русских беженцев в Китае // ВРНК. 1923. № 1. С. 40–41.
- ¹³ Катенев Б. Г. Из деятельности Русского Национального Комитета за время после сентябрьской конференции 1924 года // ВРНК. 1926. № 11. С. 55.
- ¹⁴ Хроника Русского Национального Союза // ВРНК. 1923. № 1. С. 41–42; № 4. С. 61–62.
- ¹⁵ Струве П. Б. Памяти В. Д. Набокова // ВРНК. 1923. № 6. С. 10–11.
- ¹⁶ Хроника Русского Национального Союза // ВРНК. 1924. № 9. С. 82.
- ¹⁷ Доклад о деятельности отдела Русского Национального Союза в Королевстве С. Х. С. // ВРНК. 1923. № 2. С. 22–24.
- ¹⁸ Семенов Ю. Ф. Обзор деятельности Русского Национального Союза и обстановки, в которой она протекала // ВРНК. 1924. № 10. С. 13.
- ¹⁹ Карташев А. В. Наше лицо // ВРНК. 1923. № 1. С. 5–6.
- ²⁰ Он же. Планы объединения // ВРНК. 1923. № 4. С. 4.
- ²¹ Он же. Непререкаемая ценность // ВРНК. 1924. № 8. С. 5. Подробно формирование данной идеи А. В. Карташева представлено в статье Н. В. Самовер [11].
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 4.
- ²⁴ Карташев А. В. Наше лицо // ВРНК. 1923. № 1. С. 5.
- ²⁵ Семенов Ю. Ф. Деятельность Русского Национального Союза // ВРНК. 1923. № 1. С. 7.
- ²⁶ Он же. Принцип соглашения // ВРНК. 1923. № 4. С. 41–42.
- ²⁷ Карташев А. В. Планы объединения // ВРНК. 1923. № 4. С. 4.
- ²⁸ Он же. Национальное объединение // ВРНК. 1923. № 6. С. 3.
- ²⁹ Он же. Тиранобийство // ВРНК. 1923. № 7. С. 5–7.
- ³⁰ Он же. Наше лицо // ВРНК. 1923. № 1. С. 6.
- ³¹ Данилов Ю. Н. Несколько мыслей о красной армии // ВРНК. 1923. № 4. С. 57.
- ³² Карташев А. В. Непререкаемая ценность // ВРНК. 1924. № 8. С. 4.
- ³³ Он же. Наше лицо // ВРНК. 1923. № 1. С. 6. Этот аспект отмечен в статье А. В. Антощенко [1].
- ³⁴ Он же. Наша ставка // ВРНК. 1923. № 2. С. 10.
- ³⁵ Он же. Национальное объединение // ВРНК. 1923. № 6. С. 3–4.
- ³⁶ Там же. С. 5.
- ³⁷ Карташев А. В. Наша ставка // ВРНК. 1923. № 2. С. 12.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Карташев А. В. Реакция // ВРНК. 1924. № 8. С. 17.
- ⁴⁰ Семенов Ю. Ф. Деятельность Русского Национального Союза // ВРНК. 1923. № 1. С. 9.
- ⁴¹ Он же. Обзор деятельности Русского Национального Союза и обстановки, в которой она протекала // ВРНК. 1924. № 10. С. 48.
- ⁴² Он же. Обзор деятельности Русского Национального Союза и обстановки, в которой она протекала // ВРНК. 1924. № 10. С. 33–34.
- ⁴³ Он же. Франция, Россия и Советы // Вестник РНК. 1923. № 2. С. 13–21; Выборы во Франции // ВРНК. 1924. № 9. С. 51–58.

- ⁴⁴ Он же. Московский проспект (Письмо из Берлина) // ВРНК. 1923. № 6. С. 18–20.
- ⁴⁵ Тыркова А. В. Революция или Конституция (Письмо из Лондона) // ВРНК. 1924. № 8. С. 32.
- ⁴⁶ Возвращение на Родину // ВРНК. 1923. № 1. С. 19–33.
- ⁴⁷ Воззвание Р.Н.К-ТА. по поводу вывоза хлеба из России. К правительствам и народам всего мира // ВРНК. 1923. № 1. С. 34–35.
- ⁴⁸ Религиозные преследования в России. Протест // ВРНК. 1923. № 3. С. 32–35.
- ⁴⁹ Приблизительный учет урожая в России в 1923 году // ВРНК. № 6. С. 25–35.
- ⁵⁰ Съезд русских инженеров // ВРНК. 1923. № 2. С. 25–29.
- ⁵¹ Торгово-промышленная конференция // ВРНК. 1923. № 7. С. 55–56.
- ⁵² Деятельность О.Р.Э.С.О. // ВРНК. 1923. № 6. С. 56–57.
- ⁵³ Обращение Русского Национального Комитета в Лондоне к Лорду Роберту Сесилу по вопросу о деятельности Комиссара Лиги Наций, Ф. Нансена // ВРНК. 1923. № 4. С. 61–64.
- ⁵⁴ Там же. С. 62.
- ⁵⁵ Меморандум Русского Национального Комитета Лиге Наций (К сессии 1923 года) // ВРНК. 1923. № 6. С. 44–45.
- ⁵⁶ Русский Национальный Комитет в Югославии // ВРНК. 1923. № 1. С. 42.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Комитет помощи русским инвалидам // ВРНК. 1923. № 2. С. 31–32.
- ⁵⁹ Там же. С. 31.
- ⁶⁰ Воззвание о помощи инвалидам // ВРНК. 1923. № 7. С. 3–4.
- ⁶¹ Федоров М. М. Подготовка русской молодежи к предстоящей ей ответственной задаче // ВРНК. 1923. № 1. С. 12.
- ⁶² Там же. С. 12–18.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. С. 15–18.
- ⁶⁵ Обращение Центрального Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей // ВРНК. 1923. № 2. С. 24–25.
- ⁶⁶ Федоров М. М. Положение русского студенчества за границей // ВРНК. 1923. № 6. С. 41.
- ⁶⁷ Долгоруков П. Д. Дополнительные русские национальные учебные курсы // ВРНК. 1923. № 3. С. 14–20.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. О центристской позиции А. В. Карташева в начале 1920-х гг. // Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. 9–10 октября 2020 г. г. Орёл / Под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. Д. В. Аронова. Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020. С. 238–245.
2. Антропов О. К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. 326 с.
3. Бочарова З. С. Роль русской эмиграции 1920–1930-х годов в становлении универсального статуса беженцев // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 116–132.
4. Бочарова З. С. Социальная помощь российским беженцам в 1920–1930-е годы // Русское зарубежье: история и современность. 2016. Т. 5. С. 59–119.
5. Бочарова З. С. Феномен зарубежной России 1920–30-х годов и его основные факторы // Берегиня. 777. Сова. Научный журнал. 2016. № 2 (29). С. 79–91.
6. Ганичев Л. А. Историческая миссия, образ и судьба первой русской эмиграции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2025. Вып. 2. С. 157–168.
7. Жданова Г. В. Идеино-политические течения русского зарубежья начала XX столетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2010. № 3. С. 64–75.
8. Краснослободцев К. В. «Незамеченное поколение» российских художников-эмигрантов во Франции и Федоровский комитет (1920-е – 1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 118–130.
9. Лысенко А. В. «Новая тактика» в газете русской эмиграции первой волны «Голос России» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2025. № 2. С. 57–79.
10. Мухачев Ю. В. Поревлюционные политические движения Российской эмиграции в 1920–1930-е годы // Русское зарубежье: история и современность. 2014. Вып. 3. С. 5–16.
11. Самовер Н. Галлиполийская мистика А. В. Карташева // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год. М.: ОГИ, 1998. С. 334–396.
12. Смирнов В. И. В. Л. Бурцев и деятельность Русского Национального комитета в эмиграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 2. С. 74–80.

Поступила в редакцию 11.02.2026; принята к публикации 20.04.2026; дата публикации 29.05.2026

Original article

Vladimir A. Kurashov, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0008-3141-7438; curashov.vladimir@gmail.com

BULLETIN OF THE RUSSIAN NATIONAL COMMITTEE: RECONSTRUCTING THE STRUCTURE, IDEOLOGY, AND PRACTICES OF ÉMIGRÉS' POLITICAL UNIFICATION

Abstract. This article provides the first systematic analysis of the materials of the *Bulletin of the Russian National Committee* (RNC, 1923–1926), the organ of a political organization that claimed a centrist position among the post-revolutionary émigrés from Soviet Russia. The relevance of this study is determined by the insufficient study of the principles of centrism on which the RNC's ideology was built. A systems analysis method is applied to the contents of the periodical to study its self-presentation. The conducted analysis of the *Bulletin's* publications allowed us to characterize the features of the organizational structure, ideological foundations, and areas of activity of the committee. The author demonstrates how the *Bulletin* reflects the centralized structure of the organization, with a dominant role for the governing bodies in Paris and weak representation of peripheral departments. Based on programmatic and journalistic articles, an ideological platform is reconstructed that combined the principles of state nationalism with uncompromising anti-Bolshevism, which the author defines as the position of an “irreconcilable center”. The *Bulletin's* publications highlight three key areas of activity: diplomatic and informational work to legitimize the committee, consolidation of émigré organizations, and social and humanitarian support for refugees. The analysis shows how the publication was used to achieve these goals and shape the RNC's image as a national-state center in exile.

Keywords: *Bulletin of the Russian National Committee*, Russian post-revolutionary émigrés, state nationalism, anti-Bolshevism, political consolidation

For citation: Kurashov, V. A. *Bulletin of the Russian National Committee: reconstructing the structure, ideology, and practices of émigrés' political unification. Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2026;48(4):52–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1317

REFERENCES

1. Antoshchenko, A. V. On the centrist position of A. V. Kartashev in the early 1920s. *Socio-political thought of Russian liberalism in the mid-XVIII – early XX centuries: Proceedings of the international research conference (Orel, 9–10 October 2020)*. Orel, 2020. P. 238–245. (In Russ.)
2. Antropov, O. K. Russian émigrés in search of political unification (1921–1939). Astrakhan, 2008. 326 p. (In Russ.)
3. Bocharova, Z. S. The role of the Russian emigration of the 1920–1930s in the development of universal refugee status. *Dialogue with Time*. 2019;68:116–132. (In Russ.)
4. Bocharova, Z. S. Social assistance to Russian refugees in the 1920s–1930s. *Russian Abroad: History and Modernity*. 2016;5:59–119. (In Russ.)
5. Bocharova, Z. S. The Phenomenon of Russia Abroad in the 1920s–30s and Its Main Factors. *Bereginya. 777. Sova. Nauchnyy zhurnal*. 2016;2(29):79–91. (In Russ.)
6. Ganichev, L. A. Historical mission, image, and fate of the first Russian emigration. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2025;2:157–168. (In Russ.)
7. Zhdanova, G. V. Ideological-political movements of the Russian emigration at the beginning of XX century. *RUDN Journal of Philosophy*. 2010;3:64–75. (In Russ.)
8. Krasnoslobodtsev, K. V. “The “unnoticed generation” of Russian emigrant artists in France and the Fedorov Committee (1920s–1930s). *The New Historical Bulletin*. 2021;2(68):118–130. (In Russ.)
9. Lysenko, A. V. “New tactics” in the newspaper of the first-wave Russian emigrants “The Voice of Russia”. *Lomonosov Journalism Journal*. 2025;2:57–79. (In Russ.)
10. Mukhachev, Yu. V. Post-revolutionary political movements of the Russian emigration in the 1920s–1930s. *Russian Abroad: History and Modernity*. 2014;3:5–16. (In Russ.)
11. Samover, N. Gallipoli mysticism of A. V. Kartashev. *Studies in the history of Russian thought: Yearbook for 1998*. Moscow, 1998. P. 334–396. (In Russ.)
12. Smirnov, V. I. V. L. Burtsev and the activities of the Russian National Committee in exile. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series “History and Political Sciences”*. 2016;2:74–80. (In Russ.)

Received: 11 February 2026; accepted: 20 April 2026; published: 29 May 2026